

Теория и история культуры, искусства

УДК: 82-1:94 (470+571)

A. E. Отина

(к. филол. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

ПОИСКИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА ХХ-го ВЕКА (Часть I)

Аннотация. В статье говорится о нравственных и идеологических исканиях русских поэтов начала XX-го века, происходивших на сломе эпох: старого и нового мира, России самодержавной и России социалистической. Революционные события явились мощнейшим катализатором нового творчества, новой литературы, как в содержательном, так и в формальном планах.

Ключевые слова: просветительский проект, старый мир и самодержавие, внутренние противоречия, новый мир, выбор пути развития.

A. Otina

(Candidate of Philological Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

SEARCH FOR SPIRITUAL AND MORAL IDEAL IN THE MIRROR OF RUSSIAN POETRY OF THE EARLY 20th CENTURY (Part I)

Abstract: The article discusses the moral and ideological quests of Russian poets in the early XX-th century, which took place at the turn of the eras: the old and the new world and socialist Russia. Revolutionary events were a powerful catalyst for new creativity, new literature, both in the terms of content and forms.

Keywords Revolution, the old world, the new world, radical change, internal contradictions, choice, educational project.

Граница XIX-го и XX- го столетий в мире, а особенно в России, была наполнена рядом событий, каждое из которых само по себе обладало судьбоносным значением для общества и каждого отдельного человека, и все они требовали этической оценки и нравственного выбора. Поэтому это время явилось в большой степени катализатором нравственного поиска художников слова: писателей, поэтов, драматургов. Это титаническое масштабное событие как само по себе, так и со всем с ним пришедшим в жизнь – с гражданской войной, с ростом самосознания пролетариата и борьбой за крестьянство, с оттоком представителей интеллигентской и творческой элиты за рубеж, с экспроприацией собственности у богатых, с национализацией промышленности, в целом с борьбой с царизмом и капитализмом во всех его ипостасях – поставило каждого мыслящего человека перед выбором, с кем ему быть. И выбор этот должен был базироваться на решении не одного и не двух, а множества сложнейших вопросов, на осознании и принятии, или непринятии новых смыслов, которые привнесла революция в общественную жизнь и в жизнь каждого отдельного человека.

Впервые в мировой истории старый мир, как в его более древней, аристократической, самодержавной, так и в новоявленной капиталистической ипостасях получил сокрушительный удар, впервые идея социальной справедливости обрела плоть и кровь, «свобода – равенство – братство» перестали быть только словами, а «униженные и оскорбленные» с оружием в руках принялись яростно отстаивать свои достоинство и права. При этом ломался прежний уклад, действительно «до основания», как обещали авторы «Интернационала»; для многих людей этот слом стал роковым. Так, или иначе, перед выбором оказались все, все общество, каждая семья, каждый человек. События требовали немедленных оценки, решения, действий.

Обострившиеся противоречия старого и нового миров, вылившиеся в революционный взрыв и в кровопролитие гражданской войны, представители русской культуры, в том числе философии и поэзии начала XX-го века оценивали и объясняли по-разному. Для А. Блока, автора знаменитых, как бы сейчас сказали, культовых, «Скифов», написанных 30 января 1918 года, то есть по свежим следам революции и под непосредственным впечатлением от революционных событий, октябрьская революция явила мировой истории водораздел между старым и новым миром и между двумя противоборствующими от самых своих начал цивилизациями Запада и России, веками державшей «щит меж двух враждебных рас – монголов и Европы». «Старый мир» – это Европа, от которой, по мнению Блока, для России исходила извечная угроза, только усиливающаяся со временем:

«Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!» [4, с. 360]

Поэт подчеркивает сложную связь судеб западноевропейской и российской цивилизации, западной и русской культур, обусловленную евроазиатским географ-

фическим положением России, влиянием лучших образцов западноевропейской культуры на русскую в динамике ее развития, межкультурным взаимодействием и особой способностью русской творческой души к восприятию, пониманию, претворению и новому сотворению прекрасного. Поэтому,

«Мы любим все – и жар холодных чисел,
И дар божественных видений,
Нам приятно все – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...» [4, с. 361].

Последней цитаделью «старого мира» для Блока является всегда враждебная России Европа и все то в России, что она в нее привнесла, то, что отторгается революцией, присоединиться к которой, по сути, поэт призывает европейцев во имя их же спасения:

«О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!...» [4, с. 361].

И далее через несколько строф, где в яростном пафосе, в котором меняются картины осознания сущности Запада и понимания неизбежности противоборства с ним, у Блока звучит финальный, завершающий стихотворение содержательно, формально и эмоционально призыв:

«В последний раз опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз – на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!» [4, с. 362].

«Братский пир» для автора – это «пир *труда и мира*». Таким образом, прослеживается некоторая смысловая связь «Скифов» с «Интернационалом», которая заключается в высказанной в обоих произведениях идеи строительства нового мира как единства на основе совместного согласного труда, примирения всех трудящихся. Но это в будущем, а нынче другое время, когда социалистическая Россия отворачивается от общества угнетателей, отказываясь вести за него кровопролитные войны:

«Но сами мы – отныне – вам – не щит,
Отныне в бой не вступим сами!
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами!» [4, с. 362].

Обилие ярких, жадных образов, некоторый пунктуационный пир – воскликательные знаки,тире, которые будто бы обретают и сообщают стихотворению дополнительные голоса, разноразмерные строки в строфах, все это, вместе с революционным пафосом и динамикой образов стихотворения, их символическими смыслами послужило тому, что «Скифы» стали не просто прекрасным произведением искусства слова и визитной карточкой гениального А. Блока. Это творение оказа-

лось общественным достоянием, знаком поэзии и всей культуры серебряного века, достоянием русской, уже советской, классики.

Философичность, философское осмысление жизни и социального бытия, которые пронизывали русскую литературную классику XIX века, о чем еще в его первой четверти писал В. Ф. Одоевский, достались в наследие веку XX - ому. Вечные вопросы нравственных исканий и терзаний только заострились с событиями Первой мировой войны, революций 1905, 1917 годов и последовавшей за ними трагедией гражданской войны. Первая мировая, потом революция с ее коренным, глубинным сломом всего общественного уклада и содержания, с новой идеологией, новой картиной мира дали мощный толчок душе, духу и интеллекту тех, кто владеет словом – философов, поэтов, писателей, пытающихся понять и объяснить происходящее.

В 20-е годы Н. Бердяев пишет статью «Человек и машина», где описывает технику как главную опасность для развития культуры и для духовности общества и человека. По мнению философа, техника есть порождение «века маловерия» суррогат веры в технику подменяет собой как «старую религиозную веру», так и «гуманистическую веру XIX века», «последнюю любовь человека», ради которой «он готов изменить свой образ». Причем эти глубинные процессы изменений внутри всей общечеловеческой культуры Бердяев связывает с буржуазным наполнением истории [1, с.12]. О вторжении железной руки города в деревянную и теплую душу деревню пишет и С. Есенин, страшно опасаясь обездушивания последней. Важно понимать, что все эти люди находились внутри ситуации, множественных масштабных процессов, происходивших здесь и сейчас, в момент их жизни, когда еще не было и быть не могло никакой исторической дистанции в помощь осознанию и пониманию происходящего. Отсюда и крик поэта в «Письме к женщине» С. Есенина:

«Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму –
Куда несет нас рок событий.
Лицом к лицу Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянье» [13, с. 123].

Апокалиптические настроения в сопровождении尼цшеанских веяний охватили русскую интеллигенцию еще в конце XIX-го века, когда модным стало ожидать пришествие Антихриста, увлекаться эсхатологией и предрекать разрушение старого мира. Причиной тому было открывшееся российскому обществу доселе не видное ему «звериное лицо капитализма». В 1899 году В. Соловьев, чьи идеи оказали сильнейшее влияние на А. Блока и А. Белого, пишет «Повесть об антихристе», в

которой персонаж, некий господин Z, обращаясь к другому – Политику, связывает «прогресс» с концом истории, называя «ускоренный прогресс» «симптомом конца». Речь идёт о том самом «прогрессе», который провел в жизнь общества и в культуру капиталистические законы и правила.

В стихотворении, посвященном событиям Кровавого воскресенья (9 января 1905 г.) «Предвестия», М. Волошин предрекает: «В час Голгоф трепещет смутный мир» и «Уж занавес дрожит перед началом драмы» [8, с. 251]. Воздух этого времени стремительно переполнялся революционным озоном. Не заметить этого было трудно.

В пронзительном стихотворении «То, что я должен сказать», написанном в 1917 году, А. Вергинский, знающий войну не понаслышке, прямо называет виновных в трагедии, тех, «кто послал их на смерть недрожавшей рукой». Хотя произведение начинается со слов: «Я не знаю зачем и кому это нужно», но заканчивается оно конкретным выводом:

«И никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги – это только ступени
В бесконечные пропасти – к недоступной Весне!» [6, с. 43].

К. Паустовский, побывавший на концерте Вергинского в Киеве в 1918 году и пораженный горьким содержанием романса, предположил, что пел Вергинский о юнкерах, фактически убитых в селе Борщаговка. Советский и российский писатель, музыковед и театровед Б. М. Розенфельд, ссылаясь на мемуары самого Александра Вергинского, выделил следующее: «Вскоре после октябрьских событий я написал песню «То, что я должен сказать». Написана она была под впечатлением смерти московских юнкеров, на похоронах которых я присутствовал» [12]. Романом Вергинского заинтересовались в ЧК, обвинив автора в неблагонадежности, однако на смерть юнкеров и кадетов посылали отнюдь не большевики, которые были на другой стороне баррикады. Посыл Вергинского достаточно очевиден. Так или иначе, революция и гражданская война – события одновременно героические и трагические, а неизбежные кровавые жертвы также требовали личной оценки смыслов происходящего от каждого думающего и чувствующего человека, иначе не получалось.

История эмиграции Александра Вергинского с ноября 1920 года и возвращения его на родину, уже в Советский Союз в 1943 году – история душевных искаений. Несколько раз в 1920-е гг. поэт обращался с просьбой о возвращении домой, сначала в советское консульство в Варшаве, где несмотря на положительную резолюцию советского посла в Варшаве П. Л. Войкова ему отказали, потом из Германии, где в Берлине просил о возвращении на родину у приехавшего в Берлин с советской делегацией Луначарского, но Вергинский снова получил отказ. В 1925 го-

ду поэт переехал в Париж, затем гастролировал в Ливане, Палестине и Америке. Когда в 1937 году советские власти пообещали А. Вертинскому возвращение на родину домой вместе с семьей, это еще не означало конец скитаний, так как в 1939 году началась Вторая мировая война, что затруднило оформление документов на въезд в СССР. В конце марта 1943 года Вергинский написал и отправил письмо В. М. Молотову о том, что непереносимо «жить вдали от Родины в момент, когда она обливается кровью и быть бессильным ей помочь». Наконец в ноябре 1943 года семья Вергинских прибыла в Москву. Его младшая дочь Анастасия родилась уже на родной для отца земле. А. Н. Вергинский часто выезжал с концертами на фронт, где исполнял патриотические песни о войне («О нас и о родине», «В снегах России», «Наше горе», «Иная песня»).

Песня «О нас и о родине» посвящена эмигрантам и исполнена чувством тоски и вины, бесполезности существования вне родной земли:

«Проплываем океаны,
Бороздим материки
И несем в чужие страны
Чувство русское тоски.
И никак понять не можем,
Что в сочувствии чужом
Только раны мы тревожим,
А покоя не найдём» [6, с. 7].

Завершается текст песни словами, в которых Родина предстает в образе сильной матери, сила которой в том числе в способности простить своих блудных детей:

«А она цветёт и зреет,
Возрожденная в Огне,
И простит, и пожалеет
И о вас, и обо мне!..» [6, с. 8].

Брошенная частью своих сыновей и дочерей, родина-мать Россия А. Вергинского только возрождается и расцветает, независима от беглецов. Чувством вины за годы, проведенные вне Родины и без неё, проникнута и другая, а точнее «Иная песня» Александра Вергинского. «Иная» она потому, что написана она в совсем другой реальности исторического бытия Родины, потому что теперь над родной землёй нависла смертельная опасность, но именно сейчас с ней возникла возможность искупления вины, перераставшая в неистовую потребность:

«А настанет время
И прикажет мать
Всунуть ногу в стремя
Иль винтовку взять,
Я не затоскую,
Слезы не пролью,
Я совсем, совсем иную

Песню запою» [7].

И в финале поэт прямо указывает на вновь обретенную цель – заплатить за все свои ошибки Матери, если понадобится, то и жизнью:

«И за все ошибки
Расплачусь я с ней, –
Жизнь отдав с улыбкой
Родине своей» [7].

Тема возвращения домой и покаяния перед большой Родиной стала одной из главных для А. Вертина в постиммиграционный период.

Сложным, меняющимся и неоднозначным было отношение к революции и у С. Есенина. В первую очередь внутренние противоречия в оценке революционных и послереволюционных событий поэтом были связаны с главной и единственной в своем постоянстве любовью поэта – любовью к деревне. Есенин сразу осознал, что Октябрьская революция – явление макроуровня, ее процессы подобны в обществе процессам космического масштаба, что они способны до основания изменить весь мир, что разрушение всего старого неизбежно, но за ним неминуемо возникнет новое, неизведанное. Главным вопросом для гениального крестьянина был тот, что это новое принесёт деревне и её жителям. Есенин вышел из мира деревни, пропитался им, черпал в нем вдохновение, свои потрясающие образы. И, самое важное, он искренне любил его. Не разрушится ли всё любимое и знакомое в потоке, в «реке событий», несущимся с революцией и ломающим весь старый уклад, в том числе и привычный уклад сельской жизни.

С одной стороны, врагов революции поэт презрительно называл «белым стадом горилл» и восхищался народом, восставшим против угнетателей, на авторских вечерах, концертах выступал как со стихами, так и с речами в поддержку революции, написал поэму в честь Октября. С другой, – он тосковал по старой деревянной патриархальной Руси, по её традициям и праздникам, отношениям между крестьянами, по спокойному незамысловатому быту, укладу. Есенин очень опасался разрушения всего этого, испытывал настоящий страх от того, что всё это исчезнет навсегда. Об этом и, казалось бы, адресно-личное, но и выходящее за пределы обращенности к адресату «Письмо матери», и «Сорокоуст».

«Ты жива ещё, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет», –

так начинается хрестоматийно известное «Письмо матери» Сергея Есенина [9, с. 179]. Маленькая избушка, окутанная «несказанным светом», как и сама старая мать в «старомодном ветхом шушуне» – образ деревенской России, трогательной и беззащитной перед шквальными событиями, принесенными временем.

В качестве врага, убивающего старую добрую деревню, Есенин видит индустриализацию, которая, подобно железному монстру, вытаптывает сёла и луга:

«Скоро заморозь известью выбелит
Тот посёлок и эти луга.
Никуда вам не скрыться от гибели,
Никуда не уйти от врага.
Вот он, вот он с железным брюхом,
Тянет к глоткам равнин пятерню,
Водит старая мельница ухом,
Навострив мукомольный нюх,
И дворовый молчальник бык,
Что весь мозг свой на тёлок пролил,
Вытирая о прясло язык,
Почуял беду над полем» [10, с. 81].

Ощущением, предельным, практически апокалиптическим, беды наполнен есенинский «Сорокоуст»; образ вездесущего, набитого железом врага страшен: «страшный вестник» с «пятой громоздкой» на фоне «электрического восхода» несущий «стальную лихорадку». Неравная борьба нового индустриального мира и старого хрупкого мира деревянной деревни изображена Есениным в образе соревнования в скорости мчащегося стального поезда и пытающегося его догнать жеребенка:

«Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?
А за ним по большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?
Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?» [10, с. 83].

Приход в деревню железного «скверного гостя» и неизбежная его победа над селом в стихотворении «Сорокоуст» привели к убиению деревенской жизни, к разложению и распаду:

«Оттого-то в сентябрьскую склень
На сухой и холодный суглинок,
Головой размозжась о плетень,
Облилась кровью ягод рябина.
Оттого-то вросла тужиль
В переборы тальянки звонкой.
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой» [10, с. 84].

Время коренного слома и в динамичной городской, а тем более в малоподвижной крестьянской сельской жизни в совокупности с неясным горизонтом, непониманием того, «куда несет нас рок событий» вызвало у крестьянина Есенина страхи и сомнения, воплотившиеся в трагически пронзительных стихах Есенина-поэта. Так Есенин, обладавший потребностью и способностью оценивать события неодносторонне, пишет автобиографическую поэму «Анна Снегина» – осложностях судьбы и о преодолении испытаний с помощью любви – и стихи «Русь советская», «Ленин», «Русь уходящая», «Воспоминание», «Стансы», «Песнь о великом походе», «Он был сыном простого рабочего».

В стихотворении «Ленин» неистовая сила революционных событий описывается с эпическим размахом. Сюжет стихотворения необыкновенно динамичен. Смена картин могла бы стать содержанием поэмы: описание кровопролитных столкновений («Немолчный топот, громкий стон, Визжат тачанки и телеги»), вопросы и терзания лирического героя, пытающегося в них разобраться («Куда они? И где война? Степная вода не внемлет слову. Не знаю, светит ли луна? Иль всадник обронил подкову? Всё спуталось...») [11, с. 144], удивление «встревожившим мятежником», «сурошим гением» революции, который «не садился на коня», А «...с сопливой детворой зимой катался на салазках» [11, с. 145]. Изумление от неординарной фигуры вождя революции выражается в следующих строках: «Он вроде сфинкса предо мной. Я не пойму, какою силой сумел потрясть он шар земной? Но он потряс...» [11, с. 145] Простота, внешняя обыденность человека, который, с одной стороны, «... с лысиною, как поднос, Глядел скромней из самых скромных. Застенчивый, простой и милый» [11, с. 145], а с другой, сумел дать начало иному миру, пришедшему на смену «жестоких лет» «монархии» и зародившегося внутри её капитализма – эти два контраста действительно создают образ сфинкса, требующего разгадать загадку, и при этом разгадка ее становится важнейшим смысловым моментом в жизни каждого человека, ведь вместе с ней приходит осознание сути революции. Старый мир описан поэтом недвусмысленно жёстко. Есенин не скрывает радости от его гибели, так как она, при всей драматичности событий, одновременно представляется в образной канве стихотворения и как избавление от огромного зла:

«Шуми и вей! Крути свирепей, непогода.

Смывай с несчастного народа

Позор острогов и церквей.

Была пора жестоких лет,

Нас пестовали злые лапы.

На поприще крестьянских бед

Цвели имперские сатрапы.

Монархия! Зловещий смрад!

Веками шли пиры за пиром.

И продал власть аристократ

Промышленникам и банкирам.

Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь... И он пришёл» [11, с. 145].

Значение вождя для масс воплощается в простых, но очень емких словах: «И мы пошли под визг метели, куда глаза его глядели». Стихотворение, написанное после смерти В. И. Ленина в 1924 году, заканчивается призывом его соратникам-большевикам не останавливаться, а и дальше «еще суровей и угрюмей» продолжать дела вождя революции по созданию нового мира. Однако отношение Есенина к противоречивому новому, стремительно пришедшему на смену всему старому и привычному, особенно деревенскому укладу, столь знакомому поэту и им любимому, продолжает быть неоднозначным, о чем, в том числе, говорится во второй части исследования.

Библиографический список:

1. Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники)/ Н. А. Бердяев. – Путь, 1933. – № 38. – С. 3-37.
2. Блок А.А. Записные книжки 1901-1920 гг. // Собрание сочинений в восьми томах. Записные книжки. М.: Издательство «Художественная литература», 1965. – 664 с.
3. Блок А.А. Двенадцать // Собрание сочинений в восьми томах. Том третий. Москва-Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – С.347-359.
4. Блок А.А. Скифы // Собрание сочинений в восьми томах. Том третий. Москва-Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – С.360-365
5. Блок А.А. Интеллигенция и революция // Собрание сочинений в восьми томах. Том шестой. Москва-Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – С.9-20.
6. Вертинский А.А. Песни и стихи: 1916-1937. – Вашингтон, США: Книгоиздательство книжного магазина Виктора Камкина, 1962. – 108 с.
7. Вергинский А.Н. Иная песня [Электронный ресурс]. – «Культура.рф» – гуманистический просветительский проект, посвященный культуре России. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/3300/inaya-pesnya>
8. Волошин М. А. Предвестия // Собрание сочинений в 13-ти томах Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899-1926. Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А. В. Лаврова; Коммент. В.П. Купченко. – М.: Эллис Лак 2000, 2003. - С. 251-252.
9. Есенин С.А. Письмо матери // Полное собрание сочинений: в 7 т. Т.1 – Москва: «НАУКА» – «ГОЛОС», 1997. – С. 179-181
10. Есенин С.А. Сорокоуст // Полное собрание сочинений: в 7 т. Т.2. – Москва: «НАУКА» – «ГОЛОС», 1997. – С. 81-84.
11. Есенин С.А. Ленин // Полное собрание сочинений: в 7 т. Т.2. – Москва: «НАУКА» – «ГОЛОС», 1997. – С. 143-147.
12. Розенфельд Б.А. Н. Вергинский «То, что я должен сказать»// Terra Nova: Журнал. – 2005. – №5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20111226031521/http://www.muza-usa.net/2005_05/2005-05-09.html

References:

1. Berdyaev N.A. Chelovek i mashina (problema sociologii i metafiziki tekhniki)/ N. A. Berdyaev. – Put', 1933. – № 38. – S. 3-37.
2. Blok A.A. Zapisnye knizhki 1901-1920 gg. // Sobranie sochinenij v vos'mi tomah. Zapisnye knizhki. M.: Izdatel'stvo «Hudozhestvennaya literatura», 1965. – 664 s.
3. Blok A.A. Dvenadcat' // Sobranie sochinenij v vos'mi tomah. Tom tretij. Moskva-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962. – S.347-359.
4. Blok A.A. Skify // Sobranie sochinenij v vos'mi tomah. Tom tretij. Moskva-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962. – S.360-365
5. Blok A.A. Intelligenciya i revolyuciya // Sobranie sochinenij v vos'mi tomah. Tom shestoj. Moskva-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962. – S.9-20.
6. Vertinskij A.A. Pesni i stihi: 1916-1937. – Vashington, SShA: Knigoizdatel'stvo knizhnogo magazina Viktora Kamkina, 1962. – 108 s.
7. Vertinskij A.N. Inaya pesnya [Elektronnyj resurs]. – «Kul'tura.rf» – gumanitarnyj prosvetitel'skij projekt, posvyashchennyj kul'ture Rossii. – Rezhim dostupa: <https://www.culture.ru/poems/3300/inaya-pesnya>
8. Voloshin M. A. Predvestiya // Sobranie sochinenij v 13-ti tomah T. 1. Stihotvoreniya i poemy 1899-1926. Sost. i podgot. teksta V.P. Kupchenko, A. V. Lavrova; Komment. V.P. Kupchenko. – M.: Ellis Lak 2000, 2003. - S. 251-252.
9. Esenin S.A. Pis'mo materi // Polnoe sobranie sochinenij: v 7 t. T.1 – Moskva: «NAUKA» – «GOLOS», 1997. – S. 179-181
10. Esenin S.A. Sorokoust // Polnoe sobranie sochinenij: v 7 t. T.2. – Moskva: «NAUKA» – «GOLOS», 1997. – S. 81-84.
11. Esenin S.A. Rus' sovetskaya // Polnoe sobranie sochinenij: v 7 t. T.2. – Moskva: «NAUKA» – «GOLOS», 1997. – S. 94-97.
12. Rozenfel'd B.A. N. Vertinskij «To, chto ya dolzhen skazat'»// Terra Nova: Zhurnal. – 2005. – №5. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://web.archive.org/web/20111226031521/http://www.muza-usa.net/2005_05/2005-05-09.html